

В. Мау

Между модернизацией и застоем: экономическая политика 2012 года*

В статье анализируются тенденции адаптации мировой и российской экономики к вызовам глобального кризиса, начавшегося в 2008 г., а также формирование контуров посткризисной системы. Выявлены первые признаки технологической и структурной трансформации в ряде развитых стран. Рассматриваются сценарии среднесрочного социально-экономического развития России — консервативный, инновационный и форсированный — в контексте историко-экономического опыта, накопленного страной в период нефтяного бума 1970-х годов. Обсуждаются ключевые задачи экономической политики на 2013 г.

Ключевые слова: экономический рост, глобальный кризис, модернизация, структурная адаптация, регулирование, социальное государство.

JEL: O52, P27.

Развитие российской экономики в 2012 г. в значительной мере определялось характером глобального экономического кризиса. К настоящему времени он вступил в решающую стадию, когда стали видны контуры будущей социально-экономической системы — того состояния глобальной сбалансированности, которая установится в результате структурных сдвигов, начавшихся в 2008 г. На наших глазах формируется новая модель экономического роста. (Это вообще особенность глобальных структурных кризисов: такими же были последствия кризисов 1930-х и 1970-х годов.) Она предполагает возникновение новой технологической базы общества и соответствующей ей модели регулирования социально-экономических процессов, преодоление макроэкономических дисбалансов и выход на новую траекторию роста, появление новой конфигурации резервных валют¹. Кризисный период характеризуется экономической и политической неустойчивостью,

Мау Владимир Александрович (rector@rane.ru), д. э. н., проф., ректор Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте РФ (Москва).

* Автор благодарит А. Ведева, А. Моисеева, К. Рогова, К. Юдаеву за ценные замечания, сделанные при подготовке настоящей статьи.

¹ Подробнее характеристика структурного кризиса и условий выхода из него дана в наших обзорах за 2010 и 2011 гг. (см.: Мау, 2011; 2012а).

которая охватывает достаточно продолжительный период — можно говорить о турбулентном десятилетии.

Анализ событий минувшего года позволяет проследить формирование контуров новых технологических и социально-экономических реалий. Их развитие и укрепление, в свою очередь, могут свидетельствовать о прохождении «точки перелома», то есть о начале выхода из кризиса. Выдвигая эту гипотезу, подчеркнем, что структурный кризис, в отличие от циклического, не тождествен рецессии, то есть его начало не обязательно совпадает с началом рецессии, а его завершение — с возвратом на траекторию роста. Рецессия может быть лишь отдельным эпизодом (или несколькими эпизодами) структурного кризиса, не будучи его системообразующим (или критериальным) элементом.

Некоторые глобальные тенденции

Технологические вызовы. Налицо появление новых технологий, которые существенно повышают производительность труда и удешевляют производство. Снижается доля затрат труда при производстве новых изделий по сравнению с затратами на их разработку. Добавим, что технологическое развитие в постиндустриальном мире предполагает усиление индивидуализации производства, все бóльшую его ориентацию на конкретного потребителя, причем это относится как к производству товаров, так и к предоставлению услуг. Наконец, из-за возрастающей сложности современных продуктов компании разработчика и производителя нередко размещаются недалеко друг от друга (отсюда, по-видимому, экономические и технологические успехи Калифорнии).

Среди технологических достижений последнего времени следует также выделить новые способы добычи газа и нефти из сланцев, что в некоторой (вполне осязаемой) перспективе может привести к коренному изменению системы мирового энергоснабжения, а это будет иметь не только существенные экономические, но и политические последствия. Конкуренция за топливно-энергетические ресурсы не ослабеет, но коренным образом поменяет вектор. В результате придется переосмыслить содержание ставшего в последнее время популярным понятия «энергетическая сверхдержава».

В совокупности названные факторы будут способствовать изменениям в размещении производительных сил, когда вынесенное ранее на периферию офшорное производство в своих высокотехнологичных сегментах начнет возвращаться в развитые страны. Эту тенденцию будет подкреплять удорожание труда в развивающихся странах, особенно в тех, которые на протяжении двух последних десятилетий успешно вели борьбу с высокой рождаемостью. Иными словами, роль затрат на труд в новых секторах будет относительно небольшой и станет снижаться, а индивидуализация производства (ориентация на конкретного потребителя) потребует непосредственного участия последнего в «приемке» выпускаемой продукции.

Разумеется, это не означает свертывание производства в новых индустриальных странах. Они тоже представляют собой важные

рынки сбыта для производимой продукции, в том числе высокотехнологичной. Однако из сказанного следует несколько важных выводов для характеристики посткризисной модели развития.

Во-первых, неизбежно обострение конкуренции за инвестиции и размещение производства не только между развивающимися странами, но и между ними и развитыми странами. Решение о размещении производства в той или иной стране принимается с учетом большего числа факторов, чем альтернатива — больше прибыль при худших институтах или меньше прибыль при институциональной надежности.

Во-вторых, развивающиеся страны должны не только создавать условия, благоприятные для производства (дешевый труд и приемлемые институты, то есть обеспечивать должный инвестиционный и предпринимательский климат), но и стимулировать внутренний (или региональный) спрос. Такой спрос будет все более значимым фактором при принятии инвестиционных решений, особенно глобальными корпорациями. Это означает существенное изменение принятой за последние 30 лет модели успешной экономической политики (от Германии до Китая).

В-третьих, идея новой индустриализации развитых стран выглядит довольно убедительной. На это обращали внимание ряд политиков и экономистов США еще в начале кризиса, об этом же периодически говорит и российское руководство. Речь идет не о воссоздании традиционных промышленных секторов, а о появлении принципиально новых, в которых интеллектуальная деятельность и собственно производство тесно переплетаются и размещение которых в мире (в зависимости от затрат на ресурсы) оказывается неэффективным. Тем более идея «нового индустриализма» не совместима с противопоставлением промышленного и финансового секторов, что становится очень популярным среди левых политиков развитых стран. (Напомним, что в ходе своей предвыборной кампании нынешний президент Франции Ф. Олланд объявил «войну против мира финансов».)

Из предыдущего пункта вытекает четвертый вывод: окончательный уход в прошлое разделения отраслей на прогрессивные и отсталые. В современном мире любая отрасль может быть как высокотехнологичной, так и старомодной. Отраслевая структура экономики сама по себе не служит показателем отсталости или прогрессивности технологической базы данной страны². Это касается и соотношения производства товаров и услуг, поскольку вторые все чаще выступают продолжением первых и различие между ними стирается. (Например,

² Ситуация в известном смысле возвращается к доиндустриальной фазе, когда отдельные отрасли также однозначно не ассоциировались с передовыми или отсталыми. Самыми сильными в экономическом и военном отношении тогда были аграрные монархии, а отнюдь не государства с развитой городской промышленностью и торговлей. Кстати, именно эта особенность технологической базы лежала в основе классического либерализма *laisser faire*, который рекомендовал странам пользоваться преимуществами свободной торговли, а не стремиться к искусственному развитию отдельных отраслей. В логике индустриализма XIX—XX вв. сторонников такого подхода обвиняли в консервации отсталости, не принимая во внимание, что для Адама Смита синонимом прогресса было разделение труда, а не противопоставление промышленности сельскому хозяйству (см. подробнее: Мау, 2002).

компания «Роллс-Ройс» фактически продает теперь не двигатели, а время, в течение которого они обеспечивают полет самолета.)

В-пятых, правительства должны стимулировать экономический рост и создание высокотехнологичных рабочих мест, а не рост производства и обеспечение занятости любой ценой. Это требует серьезной смены парадигмы экономической политики. Правительства всех стран — и развитых, и развивающихся — предпочитают поддерживать существующие предприятия, а не рискованных новичков. Более того, даже желая сделать ставку на технологические приоритеты, правительства всегда смотрят назад, на сложившиеся технологические тренды, что резко повышает вероятность ошибки при формировании бюджетных приоритетов. Обычной практикой выступают финансовая помощь крупным фирмам и негативное восприятие попыток их руководителей увольнять сотрудников в процессе модернизации производства.

Институциональные и структурные реформы. В последние год-два появились признаки серьезных преобразований в организации социально-экономических процессов в ведущих странах — как развитых, так и развивающихся. Структурные сдвиги сочетаются с постепенным формированием новой модели регулирования.

В самом начале кризиса широкое распространение получила левая критика экономического либерализма двух предыдущих десятилетий, следствием чего стали призывы к активизации роли государства для прямого регулирования экономической жизни. Впрочем, буквально за несколько месяцев ситуация изменилась: зазвучали предостережения против «примитивного кейнсианства» (Crass-Keynesianism), предложения о необходимости выработать новую модель регулирования, адекватную глобальным экономическим процессам и современным технологическим вызовам. Сейчас отчетливо прослеживаются два процесса в формировании новой модели регулирования.

С одной стороны, усиление наднациональных институтов в ходе региональной интеграции. Естественно, что наиболее активно соответствующие вопросы разрабатывают в рамках еврозоны, поскольку из-за наличия единой валюты жизненно важной становится координация регулирования финансовых институтов и фискальных систем. В данной связи следует рассматривать и усиление интеграционных процессов на части постсоветского пространства — формирование Таможенного союза и ЕврАзЭС, хотя здесь потребность в интеграции вызвана преимуществами большого рынка, то есть задачами, которые Европа решала несколько десятилетий назад.

С другой стороны, все более актуальными становятся вопросы формирования системы глобального регулирования, адекватной уровню глобализации современных финансовых рынков. Эта тема ключевая в повестке дня «большой двадцатки», в том числе в период российского председательствования в ней в 2013 г. Правда, пока налицо только сам факт осознания этой проблемы при отсутствии общепризнанных подходов к ее решению.

Суть структурных преобразований в социально-экономической жизни развитых стран еще в 2009 г. красноречиво сформулировал Л. Саммерс, подчеркивая важность сочетания модернизации техно-

логической и социально-экономической: «Новая американская экономика изменится и станет лучше, чем была до кризиса. Она будет в большей степени ориентирована на экспорт, чем на потребление, на охрану окружающей среды, чем на производство энергоносителей, на создание биотехнологий, программного обеспечения и оборудования для гражданского машиностроения, чем на финансовые инновации, и, наконец, на учет интересов среднего класса, чем на обеспечение непропорционального роста доходов небольшой части населения»³. Это рассуждение, по сути, применимо ко всем развитым странам.

В минувшем году в развитых странах произошли некоторые позитивные институциональные и структурные сдвиги, которые свидетельствуют о начале преодоления кризиса на основе новой экономической парадигмы. Напомним, что сама по себе рецессия не служит критериальным признаком начала кризиса или выхода из него.

В еврозоне стали осуществлять институциональные и структурные реформы, направленные на преодоление кризиса. Это касается как самого объединения, так и отдельных стран, в наибольшей мере страдающих от кризиса. Существенно активизировалась роль Европейского центрального банка, который приближается к тому, чтобы стать полноценным кредитором последней инстанции (*lender of last resort*). Налицо продвижение в направлении единого финансового регулирования и координации бюджетной политики. Усиливающееся дистанцирование Великобритании от интеграционных процессов еврозоны также выступает положительным фактором для реформирования в ЕС, поскольку единство еврозоны важнее размеров общего рынка. Разумеется, здесь еще предстоит пройти немалый путь, но движение в направлении европейской консолидации способствует институциональной модернизации одной из крупнейших экономик мира.

Небольшие позитивные сдвиги наметились в странах Южной Европы («европейской периферии»). Несмотря на возросшую социальную напряженность, они начали трудные структурные реформы, которые должны привести к снижению издержек и повышению конкурентоспособности. Эти процессы уже запущены, что выразилось в стабилизации (а в ряде случаев — и в улучшении) условий заимствований для «стран периферии». По сути, Греции и некоторым другим странам Южной Европы предстоит повторить опыт Латвии, которая, отказавшись от девальвации (которая для зоны евро и вовсе невозможна), прошла через жесткую структурную адаптацию, рецессию, высокую безработицу, однако благодаря повышению конкурентоспособности стране удалось быстро восстановить рост.

Позитивные сдвиги заметны и в США. Наличие развитого частного сектора и ограниченная роль государства создают условия для более быстрой адаптации экономики к новым реалиям. Здесь извлекают уроки из опыта прошлого, что способствует формированию новой модели роста. Докризисная модель опиралась на потребительский спрос и спрос на жилье, финансируемые за счет иностранных сбережений, которые поступали в недокапитализированные американские банки. Для преодоления таких дисбалансов требуется немало времени. Но за последние три года ситуация стала улучшаться: стоимость домов снизилась, а банки под давлением регуляторов пошли на решительное оздоровление своих балансов путем списания долгов и рекапитализации. Потребительский долг снизился со 133 до 114% совокупного дохода.

Благодаря ослаблению доллара начал расти американский экспорт, что позволило снизить торговый дефицит, причем Китай становится третьим по значению (после Канады и Мексики) рынком реализации американских товаров. Экспорт из США

³ Financial Times. 2009. July 10. www.ft.com/cms/s/2/6ac06592-6ce0-11de-af56-00144feabdc0.html.

в КНР с начала кризиса вырос в 1,5 раза — и это несмотря на заниженный курс китайской валюты. Также в 1,5 раза вырос экспорт в страны Латинской Америки и на 20% — в страны ОЭСР. Меняется и характер американского экспорта: помимо товаров, ставших уже традиционными (самолеты и программное обеспечение), существенно увеличивается объем высокотехнологичных услуг (архитектурных, инжиниринговых, финансовых) и разного рода продуктов ИТ, трехмерной печати (3D-printing).

Наконец, позитивную роль сыграли высокие цены на энергоресурсы, стимулируя внедрение ресурсосберегающих технологий и развитие новых способов производства топлива. В результате в 2012 г. чистый импорт нефти в США стал самым низким с середины 1990-х годов, а по газу страна становится чистым экспортером, причем доля сланцевого газа в газодобыче США увеличилась в 2000—2012 гг. с 1 до 35%. Важно, что практическое использование новых технологий газодобычи (гидроразрыв пласта и горизонтальное бурение) оказывается результатом частно-предпринимательской деятельности, а не усилий государства, которое инвестировало только в исследования.

В результате структурных сдвигов восстановление рынка труда начинает отставать от роста экономики. Повышение производительности обуславливает привлечение более квалифицированного, более дорогого труда, но в меньшем объеме. Именно поэтому модернизация нередко сопровождается более медленным ростом занятости по сравнению с экономикой в целом, а на ее начальных этапах — повышением безработицы и, вероятно, ростом неравенства. В государствах с сильными социалистическими (или уравнительными) традициями это создает риски, вызванные необходимостью противодействовать негативным краткосрочным социальным эффектам, что, несомненно, отрицательно влияет на перспективы технологической и институциональной модернизации.

Модернизация социального государства. Еще одной крупной проблемой текущего кризиса выступает потребность в коренном преобразовании отраслей, связанных с развитием человеческого капитала. Иными словами, на повестке дня стоит формирование новой модели социального государства (welfare state).

Кризис индустриального социального государства — одна из фундаментальных причин современного глобального кризиса. Дисбалансы развитых стран стали результатом неуклонного роста их бюджетов с целью перераспределить ресурсы в пользу отдельных категорий населения. Причем если в начале своей истории (на рубеже XIX—XX вв.) масштабы перераспределения были невелики и оно распространялось на небольшие по численности группы населения, то к началу XXI в. ситуация качественно изменилась. Теперь подавляющая часть населения охвачена системами образования, здравоохранения и пенсионирования, причем их функционирование в значительной мере основано на перераспределении ресурсов через государственные бюджеты. Но в силу сложившейся во многих развитых странах демографической ситуации доля тех, кто предоставляет ресурсы для перераспределения, сокращается, а реципиентов — растет.

Анализируя географию распространения кризиса, нетрудно заметить, что наиболее тяжелое положение в странах, где нагрузка социального государства самая высокая (в Европе), а среди них особенно страдают те, где масштабные социальные обязательства накладываются на более низкую производительность труда (Южная Европа). Кризис

относительно слабее в США и на постсоветском пространстве, где социальное государство менее развито. Наконец, в наименьшей степени он ударил по новым индустриальным странам (здесь речь идет не о рецессии, а о некотором замедлении темпов роста), которые не успели создать социальные секторы, соответствующие стандартам индустриального общества.

Глобальный кризис поставил под сомнение не только перераспределительную модель социального государства. Неустойчивость финансовых рынков создает серьезные кратко- и среднесрочные проблемы для частных сбережений, основанных на инвестициях в ценные бумаги: сейчас трудно найти финансовые инструменты, которые обеспечивали бы одновременно надежность, ликвидность и доходность сбережений. Падение доходности ценных бумаг ставит вопрос о ненадежности действующих форм социального страхования, о необходимости существенно пересмотреть страховую модель социального государства, найти новые инструменты его функционирования.

Таким образом, формирование современного социального государства становится актуальной проблемой для всех наиболее развитых стран. Причем ее решение в минимальной мере может учитывать имеющийся в мире опыт — эффективных систем, соответствующих нынешним вызовам, просто не существует. Более того, страна, которая сможет сформировать современную эффективную модель развития человеческого капитала, получит мощное преимущество в постиндустриальном мире.

Постиндустриальное социальное государство будет заметно отличаться от традиционного индустриального, и именно сейчас идет поиск его основополагающих принципов. Можно выделить ряд характерных черт такого государства:

— непрерывный и пожизненный характер, когда люди учатся и лечатся на протяжении всей жизни;

— индивидуализация, то есть человек должен иметь возможность определять собственные образовательные траектории, а также траектории и механизмы поддержания здоровья, выбирая из множества предлагаемых образовательных и медицинских услуг. Применительно к пенсионной системе это будет означать существенную диверсификацию форм поддержки старших возрастов;

— глобализация предоставления услуг и международная конкуренция за клиентов, когда образовательные и лечебные учреждения конкурируют не с соседними школами и больницами и даже не с соответствующими заведениями в своей стране, а во всем мире;

— приватизация социальных услуг при возрастании роли частных расходов на развитие человеческого капитала: частные платежи или соплатежи становятся не только естественным, но и неизбежным следствием технологической модернизации секторов и роста благосостояния населения;

— появление новых технологий, радикально изменяющих характер оказываемых этими секторами услуг⁴.

⁴ См. подробнее: Мау, 2012б.

Особый интерес с этой точки зрения представляют перспективы развития быстрорастущих стран Азии. Они только сейчас подходят к уровню экономического развития, при котором в западных странах и России в XX в. начиналось быстрое и масштабное становление социального государства, основанного на перераспределении. Ключевой вопрос здесь: пойдут ли они также по этому пути или, опираясь на накопленный опыт, попробуют сформировать новую модель, основанную уже на новых принципах. Интересный опыт предлагает Сингапур, который не повторил западную модель. Однако применительно к нему всегда остается аргумент об ограниченности модели, функционирующей в стране с населением 5 млн человек.

Макроэкономические проблемы. Современный глобальный кризис в макроэкономическом отношении существенно отличается от двух предыдущих. Для 1930-х годов основными проблемами были дефляция, рецессия и массовая безработица, а ключевым понятием 1970-х годов стала стагфляция, то есть сочетание высоких темпов инфляции, высокой безработицы и низкого (или нулевого) роста. В настоящее время главными проблемами выступают долговая нагрузка, ограничивающая возможности бюджетного маневрирования развитых стран, а также выявившаяся неэффективность использования курсовой политики для стимулирования экономического роста. Причем последнее оказалось проблемой не только для еврозоны (ее участники просто лишены этого инструмента), но и для большинства других стран, попытки которых манипулировать валютным курсом не давали значимого эффекта (в ограниченном масштабе это удавалось, пожалуй, только Швейцарии и Китаю).

В минувшем году были четко сформулированы основные вопросы текущей макроэкономической политики. По-видимому, поиск ответов на них будет находиться в центре внимания экономистов и политиков в предстоящие месяцы и, возможно, годы.

Прежде всего необходимо понять средне- и долгосрочные последствия политики денежных смягчений, беспрецедентных в экономической истории. Это действительно радикально новая ситуация, еще требующая своего теоретического осмысления. Но серьезно ее осмыслить можно только на основе практического опыта предстоящих лет. Он принесет серьезные испытания для денежных властей ведущих стран с точки зрения их способности не допустить инфляционного скачка.

Минувший год показал тупиковый характер дискуссии о соотношении бюджетной консолидации и экономического роста. Эта дискуссия во многом напоминала российскую полемику первой половины 1990-х годов относительно возможности денежного стимулирования роста в ситуации, когда на повестке дня стояли глубокие структурные реформы, неизбежно ведущие к сокращению производства. Правда, в России инфляция тогда была трехзначной. В еврозоне инфляция невысокая, и основные стимулы роста связывают с решениями бюджетного характера, то есть с сохранением на длительный период высокого уровня государственного долга. По-видимому, здесь не может быть однозначных решений — все зависит от того, в какой мере рынки будут готовы принимать на себя риски стран с высокими бюджетными дефицитами или рефинансировать долг стран с высокой задолженностью при наличии первичного профицита.

Однако проблема «консолидация vs. рост» при всей ее важности носит тактический характер. В долгосрочном плане необходимо принять решение об ограничении государственного долга, поскольку опыт последних лет показывает, что путь от финансовой устойчивости долговой экономики (когда инвесторы легко принимают суверенные бумаги) до финансовой катастрофы может быть довольно коротким. Это особенно важно, если проблему долга нельзя смягчить мерами валютного регулирования. По-видимому, при продвижении еврозоны в направлении более глубокой бюджетной и финансовой интеграции придется решить вопрос об ограничении бюджетных дефицитов стран, использующих единую валюту⁵.

Экономическая политика России в поисках стабильности

На фоне глобальных проблем, особенно по сравнению с развитыми странами, ситуация в российской экономике в 2012 г. в целом была благоприятной (см. табл. 1). Экономика продолжала расти, хотя темп был невысоким — около 4% ВВП и около 3% по промышленности. Важным положительным итогом года стало то, что экономический рост оказался результатом преимущественно внутреннего спроса (рост инвестиций примерно на 7% и потребления — примерно на 6%).

Другой особенностью минувшего года стало замедление роста импорта, который увеличился всего на 4% при отсутствии заметной динамики в объемах экспорта. Однако пока не вполне ясны причины этого замедления. Их может быть три: во-первых, плавающий валютный курс с номинальным ослаблением рубля, при котором отечественное производство оказывается конкурентоспособным для удовлетворения внутреннего спроса; во-вторых, снижение инвестиционной активности и соответственно сокращение импорта инвестиционных товаров (прежде всего оборудования); в-третьих, побочный эффект функционирования Таможенного союза, когда товары завозят в Россию через страны-партнеры и не учитывают в качестве импорта. Пока трудно сказать, какая из версий правильная, однако очевидно, что только первая благоприятна с точки зрения экономического развития страны.

Инфляция хотя и несколько выросла, но была контролируемой, причем она может снизиться в 2013 г. Государственный долг остается низким, бюджет — сбалансированным. Сохраняется положительный баланс счета текущих операций. Растут прямые иностранные инвестиции, но при одновременном существенном оттоке капитала.

Новыми явлениями стали выход реальных процентных ставок в положительную зону, а также превышение объема кредитования

⁵ При реформировании бюджетной и финансовой политики еврозоны целесообразно использовать опыт американских штатов, которые после ряда дефолтов в первой половине XIX в. перешли на принцип бездефицитности своих бюджетов. Это не запрещало им проводить заимствования, однако они брали в долг не на покрытие бюджетных разрывов, а на реализацию конкретных проектов, причем обслуживание и выплата долгов должны были включаться в расходную часть текущего бюджета (см.: Хеннинг, Кесслер, 2012).

Экономическое развитие России в 2007–2012 гг.

Показатель	2007	2008	2009	2010	2011	2012
ВВП, темп прироста, в %	8,5	5,2	-7,8	4,3	4,3	3,9 ^а
Промышленность	6,8	0,6	-9,3	8,2	4,7	2,7 ^б
Сельское хозяйство	3,3	10,8	1,4	-11,3	23,0	-4,2 ^б
Конечное потребление домохозяйств	14,3	10,6	-5,1	5,5	6,4	6,6 ^б
Инвестиции в основной капитал	22,7	9,9	-15,7	6,0	8,3	8,4 ^б
Профицит («+»)/дефицит («-») консолидированного бюджета, % ВВП	6,0	4,9	-6,3	-3,5	1,6	3,6 ^в
Резервный фонд (2007 г. — Стабилизационный фонд), на конец года, млрд долл.	156,81	137,09	60,52	25,44	25,21	62,08
Фонд национального благосостояния, на конец года, млрд долл.		87,97	91,56	88,44	86,79	88,59
Индекс потребительских цен, декабрь к декабрю	11,9	13,3	8,8	8,8	6,1	6,6
Индекс цен производителей, декабрь к декабрю	25,1	-7,0	13,9	16,7	12,0	1,1 ^г
Средняя процентная ставка по кредитам предприятиям в рублях	10,0	12,2	15,3	10,8	8,5	9,1 ^д
Средняя процентная ставка по депозитам физических лиц (кроме депозитов до востребования)	7,2	7,6	10,4	6,8	5,4	6,5 ^д
Общий уровень безработицы (по методологии МОТ), на конец периода, %	6,1	7,8	8,2	7,2	6,1	5,3 ^е
Средняя зарплата, тыс. руб.	13,6	17,3	18,6	21,0	23,4	26,0 ^д
Уровень сбережений, в % к располагаемым доходам	23,0	16,5	22,5	23,3	18,4	16,5 ^д
Платежный баланс, млрд долл.						
Счет текущих операций	77,8	103,5	48,6	71,1	98,8	81,3
торговый баланс	130,9	179,7	111,6	152,0	198,2	195,4
экспорт	354,4	471,6	303,4	400,6	522,0	530,7
импорт	-223,5	-291,9	-191,8	-248,6	-323,8	-335,4
прямые инвестиции	9,2	19,4	-7,2	-9,2	-14,4	-5,2 ^ж
в экономику РФ	55,1	75,0	36,5	43,3	52,9	38,9 ^ж
за границу	-45,9	-55,6	-43,7	-52,5	-67,3	-44,1 ^ж
Резервные активы («-» — рост)	-148,9	38,9	-3,4	-36,8	-12,6	-30,0

^а Январь—сентябрь 2012 г. к январю—сентябрю 2011 г.; ^б январь—ноябрь 2012 г. к январю—ноябрю 2011 г.; ^в за январь—сентябрь; ^г ноябрь 2012 г. к ноябрю 2011 г.; ^д за январь—ноябрь; ^е на конец октября 2012 г.; ^ж по прочим секторам (кроме банков).

Источники: Росстат; ЦБ РФ; Минфин.

населения над ростом депозитов. Это свидетельствует об изменении сберегательного поведения домашних хозяйств и о переходе к кредитной модели потребления.

Словом, большинство макроэкономических параметров существенно не изменились по сравнению с 2011 г., что в условиях глобального кризиса неплохой результат. В современном мире Россия отличается устойчивым ростом, ориентированным на внутренний спрос, сбалансированным бюджетом, низким долгом, значительными валютными резервами и положительными процентными ставками.

Несмотря на благоприятную экономическую ситуацию — и по существу, и по сравнению с большинством других стран, — в стратегическом плане нет оснований для самоуспокоения и оптимистического

прогноза. Ряд факторов не позволяет однозначно положительно интерпретировать итоги 2012 г.

Серьезной макроэкономической проблемой стало замедление экономического роста в конце 2012 г. Это вызывает тревогу у ряда политиков и экономистов, по мнению которых рост ниже 5% не обеспечит устойчивость социально-экономического (и политического) развития страны. Нам представляется, что важны не сами по себе темпы роста. С одной стороны, странно было бы ожидать высоких темпов роста, когда основной внешнеэкономический партнер, на которого приходится почти 60% внешнего товарооборота (Евросоюз), вступил в полосу рецессии. С другой стороны, важны не только темпы, но и качество, структура роста, его способность обеспечивать модернизацию. Нервная реакция на замедление темпов роста путем искусственного наращивания государственного спроса, сопровождаемая разрушением макроэкономического равновесия, была бы гораздо опаснее (ниже мы рассмотрим эту проблему подробнее).

Намного важнее обратить внимание на *четыре* долгосрочные проблемы социально-экономического развития России, которые в конечном счете оборачиваются невысокими и снижающимися темпами роста.

Во-первых, отсутствие модернизационных структурных сдвигов. Восстановление докризисного уровня сопровождалось ухудшением отраслевой структуры: добыча полезных ископаемых превысила докризисный уровень на 5%, а обрабатывающие производства — примерно на 1% (см. табл. 2 и рис.). Восстанавливаются производства традиционного российского экспорта (кокс и нефтепродукты, химическое производство, производство резиновых и пластмассовых изделий) при замедленном восстановлении металлургического производства, что обусловлено низким спросом на металл и ухудшением мировой конъюнктуры цен в связи с медленным выходом мировой экономики из кризиса. Наблюдался активный рост производства транспортных средств (в основном за счет автомобилестроения), который, впрочем, близок к исчерпанию. А в производстве продукции инвестиционного спроса (строительные материалы, машины, электрооборудование, электронное и оптическое оборудование) спад не преодолен — в 2012 г. его объем был примерно на 14% ниже докризисного уровня. Объем строительных работ оказался на 10% ниже, чем до кризиса.

Во-вторых, сохраняется значительный отток капитала, превышающий его приток. Разумеется, можно утверждать, что при высокой конъюнктуре цен на товары российского экспорта страна генерирует больше капитала, чем может «переварить» с учетом ограниченности материальных и человеческих ресурсов. Однако в условиях открытой экономики ограниченная возможность производительного использования капитала также свидетельствует о низком качестве инвестиционного климата.

В-третьих, беспрецедентно низкий уровень безработицы. Конечно, в текущей политической жизни этот фактор выступает важным источником стабильности. Однако он также указывает на отсутствие реальных структурных сдвигов. Модернизация предполагает отставание роста занятости от экономического роста, поэтому посткризисное

Т а б л и ц а 2

Итоги коррекционного роста: прирост выпуска промышленных производств, январь—сентябрь 2012 г./январь—сентябрь 2008 г. (в %)

Промышленное производство в целом	2,7
Добыча полезных ископаемых	5,0
Обрабатывающие производства	1,2
Производства продукции потребительского спроса (продукты питания и товары народного потребления)	6,6
пищевые продукты	9,3
текстиль и швейное производство	-9,3
кожа, изделия из кожи, обувь	9,9
прочая продукция	-0,3
Производства продукции промежуточного спроса	3,2
кокс и нефтепродукты	9,2
продукция химического производства	7,9
резиновые и пластмассовые изделия	23,3
металл и готовые металлические изделия	-3,5
Производство транспортных средств и оборудования	17,0
Обработка древесины и производство изделий из дерева, целлюлозно-бумажное производство; издательская и полиграфическая деятельность (ЛДЦБ)	-7,1
продукция деревообработки	-8,2
продукция целлюлозно-бумажного производства, издательской и полиграфической деятельности	-6,6
Производства продукции инвестиционного спроса	-14,1
строительные материалы	-10,4
машины и оборудование	-19,1
электрооборудование, электронное и оптическое оборудование	-13,0
Производство и распределение электроэнергии, газа и воды	0,7
<i>Справочно:</i>	
Инвестиции в основной капитал	-6,9
Коммерческий грузооборот транспорта	-0,6
Строительство	-10,7

Источники: Росстат, ЦСИ.

Восстановление выпуска и ценовая конкурентоспособность

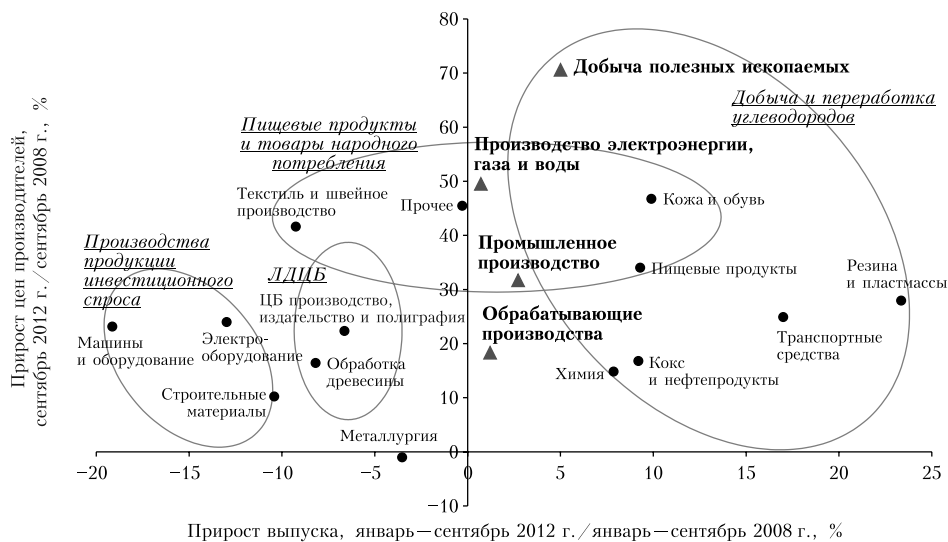

Рис.

восстановление (когда речь идет о структурном кризисе, а не о циклическом) происходит на фоне довольно длительного сохранения высокой безработицы. Именно этот феномен, как было отмечено выше, наблюдается в настоящее время в США. Между тем властям демократической страны бывает трудно согласиться с модернизационной ролью безработицы, и правительства часто принимают решения, направленные на искусственное поддержание высокого уровня занятости, несмотря на неизбежные проблемы с качеством технологической базы.

В-четвертых, настроенность значительной части образованных слоев населения (креативного класса) на отъезд из страны. При этом речь идет не о формальной смене места жительства. Все больше состоятельных россиян стремятся лечиться и учиться за границей, приобретать там недвижимость, вывозить на учебу и затем на постоянное жительство своих детей. По существующим опросам («Валдайский клуб», октябрь 2012 г.), около 70% россиян с доходом выше среднего хотят, чтобы их дети учились и работали за границей, а более $\frac{1}{3}$ из них — чтобы дети уехали из России на постоянное жительство. Это стратегически крайне опасно, поскольку означает, что качественный платежеспособный спрос на образование и здравоохранение будет уходить из России, а хорошие университеты и клиники есть там, где на них предъявляют спрос.

Exit strategy (стратегия выхода) элиты тем более облегчается, что транзакционные издержки отъезда неуклонно снижаются — этому способствуют и глобализация, и рост благосостояния граждан. В результате за последние 25 лет произошли коренные изменения в формировании социально-политической позиции активных граждан: если раньше креативный класс стремился улучшить условия жизни в своей стране, то теперь ему проще и дешевле сменить страну проживания. Тем более что в условиях глобализации можно зарабатывать в одной стране, а пользоваться благами цивилизации (и создавать платежеспособный спрос на них) в другой.

Названные обстоятельства не поддаются быстрому исправлению и отражают качественные проблемы российского общества, его ограниченные возможности модернизации, не говоря уже о способности совершить инновационный рывок. Для исправления такой ситуации требуются не только время, но и политическая воля реализовать серьезные институциональные реформы.

Историческая ретроспектива позволяет дополнить понимание нынешних и возможных в будущем проблем социально-экономического развития страны. Дело в том, что по основным макроэкономическим характеристикам нынешняя российская ситуация напоминает положение СССР на рубеже 1970—1980-х годов.

Тогда, как и теперь, западный мир был охвачен структурным кризисом, который идеологи КПСС характеризовали как «третий этап общего кризиса капитализма». К концу 1970-х годов кризис подходил к завершению, формировалась новая парадигма экономической политики, основанная на снижении регулирующей роли государства (дерегулировании), наиболее последовательно и успешно реализованная правительствами М. Тэтчер (с 1979 г.) и Р. Рейгана (с 1981 г.).

В отличие от кризиса на Западе советская экономика росла, хотя и умеренными темпами (2–3% в год). Цены на нефть находились в зените и при пересчете в постоянных ценах примерно соответствовали нынешнему уровню, страна активно наращивала энергетический экспорт. Бюджет был сбалансированным, но все доходы от экспорта углеводородов направлялись на покрытие бюджетных расходов. Страна активно строила газопроводы для транспортировки газа в Западную Европу (Уренгой–Помары–Ужгород), формируя основу экономической модели «нефть и газ в обмен на продовольствие и оборудование». Инфляция была низкой (хотя нарастал товарный дефицит, что выступает оборотной стороной инфляции), государственный долг — умеренным, обеспечивалась всеобщая занятость. Политическая система СССР была исключительно ригидной, не способной гибко реагировать на появление новых глобальных вызовов (технологических, экономических или политических).

Как тогда казалось, советская экономика устойчиво растет на фоне кризиса Запада. И лишь потом выяснилось, что рыночные демократии проходили через структурную и технологическую модернизацию, там формировались основы для качественного рывка, тогда как Советский Союз лишь консервировал свою экономическую структуру, становясь заложником не контролируемых национальным правительством колебаний сырьевых цен.

В настоящее время ситуация несколько иная. Россия учла опыт прошлого и обладает значительными финансовыми резервами. Бюджетная политика предполагает учет рисков колебаний мировой конъюнктуры, хотя в результате кризиса федеральный бюджет стал практически полностью абсорбировать текущие доходы от экспорта энергоресурсов. Государственный долг гораздо ниже, чем был у СССР. Россия не зависит от поставок продовольствия в той мере, в какой зависел Советский Союз. Открытость экономики и наличие частной собственности качественно меняют ситуацию. Политическая система, несомненно, гораздо более гибкая, чем советская. Правительство понимает важность коренного улучшения инвестиционного климата и стимулирования частного предпринимательства, что нашло отражение в задаче перемещения России в рейтинге Всемирного банка «Doing Business» со 120-го места в первую двадцатку.

Однако аналогии с ситуацией 30-летней давности тоже налицо. Ключевая проблема — слабая восприимчивость экономики к инновациям и, шире, к модернизации. Наличие природных ресурсов и финансовых резервов оказывается серьезным препятствием на пути институционального и технологического обновления. Об этом прежде всего свидетельствуют ухудшение за последние четыре года отраслевой структуры экономики и беспрецедентно низкая безработица. Между тем, как показывает советский опыт, между стабильностью и застоём пролегает очень зыбкая граница, а путь от экономической стабильности до экономической катастрофы, как отмечалось выше, может быть очень коротким.

Необходимость учитывать позднесоветский опыт тем более настоятельна, что в экономико-политической дискуссии 2012 г. отчетливо прослеживались сценарии, хорошо известные по опыту 1980-х годов. Проект прогноза социально-экономического развития России до 2030 г., подготовленный Минэкономразвития, содержит три сценария: консервативный, инновационный и форсированный (целевой).

Консервативный вариант предполагает инерционный рост замедляющимся темпом 2,7–3,1%. Рост опирается на использование конкурентных преимуществ в сырьевом секторе при сохранении отставания в высоко- и среднетехнологичных отраслях. Предусматривается обеспечить макроэкономическую стабильность благодаря консервативной бюджетной политике. Модернизация в основном должна опираться на импорт технологий и оборудования. Соответственно инновационная активность будет концентрироваться главным образом в энергетике и сырьевых отраслях.

Инновационная модель дополняет консервативный вариант усилением диверсификации производства и экспорта, основанной на институциональной и производственной модернизации. Ключевыми факторами здесь выступают улучшение инвестиционного климата, стимулирование предпринимательства, заметное повышение качества государственных услуг и эффективности госуправления. В технологическом плане предполагается активно развивать транспортную инфраструктуру и ряд традиционных для России технологических отраслей (авиационная и космическая промышленность, ядерные технологии, услуги, связанные с освоением космоса, и пр.). Одновременно государство должно обеспечить глубокую модернизацию социальной инфраструктуры для динамичного развития человеческого капитала. Бюджетная политика в этой ситуации остается, по-видимому, консервативной. Рост ВВП здесь составляет порядка 4%.

Форсированный сценарий основан прежде всего на структурном маневре, когда норма валового накопления основного капитала повышается до 30–33% ВВП (с нынешних примерно 20%) при одновременном сокращении доли потребительских расходов домашних хозяйств. Это предполагает активизацию использования национальных сбережений и усиление притока иностранного капитала до 6% ВВП. Значительно увеличиваются государственные расходы на производственную и транспортную инфраструктуру. Предусматривается резкая диверсификация экспорта при увеличении экспорта машин и оборудования к 2030 г. в 10 раз, однако сам объем экспорта снижается с текущих 27% ВВП до 19%. Существенно сокращается потребительский импорт. Кроме того, этот сценарий предполагает перелом демографического тренда и рост численности населения, в том числе в трудоспособном возрасте. Естественно, он чреват макроэкономическими рисками, поскольку предусматривает устойчивый дефицит бюджета, рост государственного долга, дефицит текущего сальдо платежного баланса. Как отмечают сами авторы прогноза, это повышает уязвимость страны по отношению к внешним шокам.

Три названных сценария хорошо известны по опыту экономической политики 1980-х годов. По сути, они повторяют модели, называвшиеся тогда застой, перестройка и ускорение. *Застой* означал продолжение экономического развития, основанного на благоприятных внешнеэкономических факторах, при расширении импорта потребительских товаров и средств производства. *Перестройка* делала акцент на институциональных реформах, активизации человеческого капитала (через антиалкогольную кампанию, гласность, повышение самостоятельности предприятий и трудовых коллективов, развитие кооперативного и индивидуального предпринимательства). *Ускорение* предполагало осуществление структурного маневра, нацеленного на повышение нормы

накопления в ВВП при снижении доли потребления как основы для роста инвестиций и технологической модернизации. Последние два варианта сопровождались массивными внешними и внутренними заимствованиями, первоначально на технологический экспорт, а затем все больше — на закупки продовольствия.

Макроэкономические риски этой политики были понятны, поскольку само начало осуществления структурного и институционального маневров совпало с резким падением цен на энергоносители, формировавшими к тому времени основу стабильности советской экономики. Последствия не заставили себя долго ждать.

Приоритеты среднесрочной экономической политики

Несмотря на глобальную неустойчивость и наличие макроэкономических рисков, ключевой задачей социально-экономической политики современной России выступает *стимулирование модернизации*. При выработке соответствующих подходов наиболее важно обеспечить ее комплексный характер. Необходимо одновременно осуществлять:

- технологическую модернизацию, ведущую к созданию миллионов высококвалифицированных (высокотехнологичных) рабочих мест (В. В. Путин поставил задачу создать 25 млн таких рабочих мест). Решение этой задачи несовместимо с курсом на сохранение существующих рабочих мест и низкого уровня безработицы как критерия при оценке деятельности региональных властей;

- экономическую модернизацию, означающую диверсификацию экономики, ослабление зависимости российской экономической жизни от колебаний энергетических цен на мировых рынках. Это предполагает снижение ненефтегазового дефицита и качественное улучшение предпринимательского климата;

- социальную модернизацию, то есть превращение среднего класса в доминирующий слой российского общества при резком повышении эффективности и справедливости систем здравоохранения и пенсионирования;

- модернизацию военно-промышленного и силового блоков, обеспечивающую их ориентацию на эффективную защиту прав и свобод гражданина, откуда бы ни исходили угрозы;

- и, наконец, политическую модернизацию, означающую качественное расширение политических и экономических свобод, которые должны соответствовать современным международным стандартам.

Между тем практика последнего десятилетия показывает, что имеются по крайней мере два серьезных препятствия на пути модернизации. Они носят системный характер и требуют выработки специальных мер по их преодолению.

Во-первых, отсутствие спроса на модернизацию. Хотя все согласны с необходимостью ее осуществить, из этого еще не следует, что в обществе есть значимые социальные группы, готовые в нее инвестировать. Достигнутая социально-политическая стабильность и значительные финансовые резервы позволяют отодвигать практическое проведение модернизации, хотя структурный кризис — наиболее благоприятное

время для нее. Причем важный урок последнего десятилетия состоит в том, что Стабилизационный фонд (в какой бы форме он ни был — «резервный» или «фонд будущих поколений») не только выступает фактором макроэкономической стабилизации, не только формирует «подушку безопасности» на случай кризиса, но и становится фактором противодействия назревшим реформам.

Государство (его высшее руководство) в модернизации, разумеется, политически заинтересовано. Опираясь на госкорпорации и иные государственные институты, оно пытается подтолкнуть модернизационную и инновационную активность общества, однако такого рода усилия без реального спроса со стороны экономических агентов не могут быть эффективными. Более того, политическое руководство нередко занимает противоречивую позицию. Наиболее наглядно это проявляется в стремлении не допускать сокращения занятости (что тождественно запрету на закрытие неэффективных предприятий) при одновременном требовании создавать миллионы новых высококвалифицированных рабочих мест. Очевидно, что в стране, население которой как минимум не растет и где отсутствует резерв аграрного перенаселения, создание новых рабочих мест предполагает закрытие старых.

Во-вторых, в России налицо «ловушка конкурентоспособности», когда дорогой труд совмещается с плохими институтами. Обычно инвестиционная активность высока или в странах с дешевым трудом (где можно рисковать из-за высокого дохода), или в странах с хорошими институтами при дорогом труде. В России труд достаточно дорогой (точнее, один из самых дорогих в странах с формирующимся рынком), но одновременно качество институциональной среды относительно этих стран достаточно низкое. Последнее выражается, например, в месте России в рейтинге Всемирного банка «Doing Business» и в ряде других показателей, характеризующих качество институтов. В такой ситуации конкурентоспособными оказываются сектор услуг и производство сырья (эксплуатация природных ресурсов), которые, собственно, и доминируют в современной России.

Из этой ловушки возможны два выхода: или институты должны улучшиться до уровня рабочей силы, или рабочая сила придет в соответствие с качеством институтов. Отечественные экономисты по понятным причинам главным образом обсуждают вопрос об улучшении качества институтов. Однако вариант с деградацией рабочей силы также нельзя сбрасывать со счетов.

Ключевые направления модернизационной экономической политики хорошо известны (см.: Мау, 2012а. С. 18–24). В виде политических задач они были сформулированы в первых указах В. В. Путина, подписанных в день вступления его в должность Президента РФ 7 мая 2012 г. Обратим внимание только на несколько позиций, которые в 2012 г. стали предметом повышенного внимания.

Улучшение инвестиционного и предпринимательского климата. Позиция России в рейтинге «Doing Business» несколько улучшилась, страна поднялась с 120-го на 112-е место. Но этого совершенно недостаточно с точки зрения решения задачи войти в двадцатку лучших по инвестиционному климату стран в 2018 г.

Продвижение в основном достигнуто за счет оценки налогового администрирования. Общий итог изменений по другим составляющим рейтинга для России практически нулевой (+15 пунктов улучшений/–12 пунктов ухудшений).

Кроме того, по четырем позициям положение России выглядит особенно плохо — собственно, они и определяют аномально низкое положение страны в общем рейтинге, не соответствующее другим параметрам развития российской экономики. К ним относятся: «разрешение на строительство» (178-е место из 185 стран), «подключение к электросетям» (184-е место), «защита прав инвесторов» (117-е место) и «режим пересечения границы» (162-е место). Без существенного улучшения по этим параметрам значимых сдвигов в положении России в рейтинге достичь не удастся.

В настоящее время улучшение инвестиционного климата становится важным показателем при оценке деятельности федеральных и региональных органов государственного управления.

Наконец, целесообразно дополнить задачу радикального улучшения позиций России в рейтинге «Doing Business» улучшением позиций страны в других международных рейтингах, так или иначе отражающих условия предпринимательской деятельности: эффективности государства, экономической свободы и др. Все подобные рейтинги имеют существенные недостатки и ограничения, однако это означает, что важно анализировать динамику страны по разным международным замерам, не ограничиваясь одним из них.

Ответственная бюджетная политика. Суть бюджетной дискуссии последнего времени, если сформулировать ее предельно жестко, состоит в следующем: что считать главной задачей бюджета в условиях глобального кризиса — обеспечение стабильности страны или структурную трансформацию ее экономики? Разумеется, желательно и то и другое, но на практике главный вопрос: насколько рискованной может быть бюджетная политика, даже оправдываемая задачами модернизации? Это сложный вопрос, который нельзя обосновать теоретически, ответ на него может быть только политическим. Опыт 1980-х годов свидетельствует в пользу бюджетного консерватизма. Однако опыт прошлого никогда не может быть абсолютным аргументом при решении проблем будущего.

Важным результатом 2012 г. стало принятие бюджетного правила, вводящего ограничения на возможность использовать в текущем бюджете нефтегазовые доходы и на параметры государственного долга. Этот шаг необходим в стране, зависящей от ресурсной ренты, и позволяет несколько ослабить ее уязвимость перед внешними шоками. В то же время данное решение жестко ограничивает возможность поддержки отдельных секторов экономики, которые считаются приоритетными с точки зрения модернизации.

Эта поддержка возможна при осуществлении расходного маневра, то есть при сокращении расходов в одних секторах и наращивании их в других. Однако политически такие решения всегда болезненны, особенно если государство имеет значительные ресурсы и низкий долг. Возникает искушение проводить экспансионистскую бюджетную

политику за счет ослабления бюджетной дисциплины. Это выбор политический, и в 2013 г. вопрос о сохранении бюджетного правила будет одним из ключевых в деятельности правительства РФ. Худшим вариантом развития событий станет отказ от него без жесткого решения о недопустимости наращивать государственный долг.

Сохранение плавающего валютного курса — принципиальное достижение денежной политики. Повышение инфляции в 2012 г., скорее всего, было временным эпизодом, и в наступившем году она будет снижаться. Новым и очень важным событием стало то, что процентные ставки по депозитам вышли в положительную область. В среднесрочном плане денежная политика должна ориентироваться на создание условий для превращения рубля в региональную резервную валюту, тем более что глобальный кризис заставляет включать в текущую повестку дня вопрос о конфигурации резервных валют.

Модернизация социального государства — еще один ключевой приоритет. Важнейшим вопросом здесь выступает необходимость трансформировать социальное государство на принципах, соответствующих вызовам постиндустриального общества, балансируя решение социальных, фискальных и инвестиционных задач.

В 2012 г. основное внимание в этой области было сосредоточено на пенсионной системе, прежде всего на фискальных и социально-политических аспектах: как обеспечить сбалансированность Пенсионного фонда и при какой системе (распределительной или накопительной) пенсия людей, прекращающих работать в рамках нынешнего политического цикла, будет больше. Как известно, предпочтение было отдано преимущественно распределительной системе. Однако это не снимает проблему долгосрочных ориентиров пенсионной системы, основанной на упомянутых выше принципах.

Активно обсуждались проблемы образования и здравоохранения, для которых главная задача — обеспечить международную конкурентоспособность этих секторов.

Открытость экономики. Присоединение России к ВТО и развитие Евразийского экономического пространства выступают значимыми факторами обеспечения внешнеэкономической открытости страны. Ключевая задача политики открытости — стимулировать конкуренцию как критически важный фактор российской модернизации. Речь должна идти как о конкуренции товаров и услуг, так и о конкуренции юрисдикций. Последнее, будучи относительно новым феноменом и прямым следствием глобализации, подчас наталкивается на неприятие политиков и юристов, хотя с экономической точки зрения конкуренция юрисдикций должна стать одним из стимулов улучшения предпринимательского климата.

* * *

В развитии отечественной и мировой экономики год 2012-й не стал переломным. Этого от него никто и не ожидал. Минувший год был временем накопления ресурсов (технологий и институтов) для

формирования облика посткризисного мира — новых геополитических и геоэкономических балансов. В ближайшие два-три года контуры этого нового мира начнут отчетливо проявляться. Наступает решающее время для национальных элит ведущих стран, поскольку от их дальновидности и ответственности зависит место этих стран в посткризисном мире.

Список литературы

- May V.* (2002). Посткоммунистическая Россия в постиндустриальном мире: проблемы догоняющего развития // Вопросы экономики. № 7. С. 4–25. [Mau V. (2002). Post-communist Russia in Post-industrial World: Problems of Catching-up Development // *Voprosy Ekonomiki*. No 7. P. 4–25.]
- May V.* (2011). Экономическая политика 2010 года: в поисках инноваций // Вопросы экономики. № 2. С. 4–22. [Mau V. (2011). Economic Policy in 2010: In Search of Innovations // *Voprosy Ekonomiki*. No 2. P. 4–22.]
- May V.* (2012a). Экономика и политика в 2011 году: глобальный кризис и поиск новой модели роста // Вопросы экономики. № 2. С. 4–26. [Mau V. (2012a). Economy and Policy in 2011: Global Crisis and Search for a New Model of Growth // *Voprosy Ekonomiki*. No 2. P. 4–26.]
- May V.* (2012b). Человеческий капитал: вызовы для России // Вопросы экономики. № 7. С. 114–132. [Mau V. (2012b). Human Capital: Challenges for Russia // *Voprosy Ekonomiki*. No 7. P. 114–132.]
- Хеннинг К. Р., Кесслер М.* (2012). Бюджетно-налоговый федерализм: исторический опыт США для Европейского налогового союза // Экономическая политика. № 5. С. 28–58. [Henning C. R., Kessler M. (2012). Fiscal Federalism: US History for Architects of Europe's Fiscal Union // *Ekonomicheskaya Politika*. No 5. P. 28–58.]

Between Modernization and Stagnation: Economic Policy in 2012

Vladimir Mau

Author affiliation: Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration (Moscow, Russia). Email: rector@rane.ru.

The paper deals with the trends in the world and Russian economies towards development of a new post-crisis system, including technological and structural transformation. Three main scenarios of Russian economic development (conservative, innovation and acceleration) are discussed basing on historical analysis of Russian economic performance since 1970-s when oil boom started. On this basis key challenges of economic policy in 2013 are discussed.

Keywords: economic growth, global crisis, modernization, structural adaptation, regulation, welfare state.

JEL: O52, P27.